А ВОТ ВОПРОС

ЧТО НАМ В НИХ НЕ НРАВИТСЯ?

АЗБУКА «ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА»

ВАСИЛИЙ ШУЛЬГИН

А вот вопрос

Василий Шульгин

Что нам в них не нравится? Азбука «еврейского вопроса»

«Алисторус»
2026

УДК 32.019.51
ББК 66.1стд1-231

Шульгин В. В.

Что нам в них не нравится? Азбука «еврейского вопроса» /
В. В. Шульгин — «Алисторус», 2026 — (А вот вопрос)

ISBN 978-5-00269-181-4

Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) был одним из лучших публицистов и ораторов предреволюционной России. Ему довелось принимать отречение императора Николая II, потом Шульгин стал одним из идеологов белого движения. Оказавшись в эмиграции, старался беспристрастно разобраться в причинах распада Российской империи, в том числе — в хитросплетениях «еврейского вопроса». Эту книгу он написал в 1929 году. Она стала интеллектуальным бестселлером. Ни до, ни после Шульгина никто не рассматривал эту животрепещущую проблему столь всесторонне и объективно. В чем причины антисемитизма? Какую роль сыграло еврейское движение в кризисе Российской империи? Шульгин раскрыл все противоречия, возникавшие между русскими и евреями, и показывал, как можно их преодолеть. Все вопросы, поднятые в книге, актуальны и в наше время. Подкупает и филигранное умение Шульгина писать о сложном просто и ясно. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 32.019.51
ББК 66.1стд1-231

ISBN 978-5-00269-181-4

© Шульгин В. В., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Предисловие 6
Часть первая. Антисемитизм расовый 11
Часть вторая. Антисемитизм рассудочный или политический 19
Взгляд и нечто 19
Нео-антисемиты 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Василий Шульгин
Что нам в них не нравится?
Азбука «еврейского вопроса»

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

В газете «Последние новости» от 29 мая 1928 года за подписью С. Литовцева напечатана статья под заглавием «Диспут об антисемитизме», в каковой статье, между прочим, говорится следующее:

«Быть может, и действительно наступила пора подвергнуть вопрос об антисемитизме публичному обсуждению. Русская эмиграция решает для себя много вопросов, связанных с будущим России; она имела бы все основания уделить некоторое внимание вопросу о русско-еврейских отношениях. В правильной постановке этого вопроса русские должны быть заинтересованы не меньше евреев. В начале двадцатых годов эмигрантский антисемитизм носил прямо-таки болезненный характер – это была своего рода белая горячка. В то время спорить об антисемитизме было занятие совершенно бесплодное. Теперь зарубежный антисемитизм несколько, как будто, приутих. Люди едва ли изменились; изменились, по-видимому, внешние условия жизни, несколько остыли бушевавшие страсти. Мечи не перекованы в орала, но покоятся в ножнах. Русские и евреи в эмиграции теперь – как выражаются англичане, onspeakingterms: спороспособны. С другой стороны, жизнь предложила достаточно серьезный предлог для беседы об антисемитизме. В России в настоящее время гуляет на просторе одна из сильных, периодически подымающихся волн юдофобства. Отчего не поговорить об антисемитизме в Советской России?..

Василий Шульгин

Но для того, чтобы беседа была плодотворна и действовала бы оздоровляюще, было бы необходимо привлечь к спору несколько честных людей, которые возымели бы мужество объявить себя антисемитами и чистосердечно объяснили бы, почему они антисемиты, не ссылаясь при этом на „проекции юдаистического мессианизма“, до которых сто одному из ста антисемитов решительно нет никакого дела… Просто, без лукавства, сказали бы: „Мне не нравится в евреях то-то и то-то…“ А вместе с ними должны бы выступить несколько не менее искренних евреев с ответами: „А в вас нам не нравится то-то и то-то…“ Можно быть абсолютно уверенным, что такой честный и открытый обмен мнений, при доброй воле к взаимному пониманию, принес бы действительную пользу и евреям, и русским – России…»

Так как я, можно сказать, двадцать пять лет дожидался такой именно, со стороны евреев, постановки вопроса; и так как, с другой стороны, я получил, через посредство журналиста С. И. Левина, от инициаторов диспута об антисемитизме, диспута, состоявшегося в Париже 27 мая 1928 года, приглашение выступить на сем диспуте, чего я, однако, не сделал за невозможностью прибыть в Париж, – то, по сим двум вышеизложенным причинам, я полагаю: надлежит мне, выражаясь высоким штилем, поднять перчатку, брошенную С. Литовцевым; то есть надлежит мне, присвоивши себе звание «честнаго человека», во всеуслышание и «просто, без лукавства», как того требует С. Литовцев, изъяснить: что нам (т. е., собственно, мне) в них (т. е. в евреях) не нравится.

Если я говорю, что ждал такой постановки вопроса (со стороны мыслящих евреев) двадцать пять лет, то я отнюдь не преувеличиваю. Отзвуки старого «вопроса-понимания» звучат и сейчас. Они есть и в статье С. Литовцева, несмотря на все его доброе желание (каковое приветствую) перейти на новые рельсы.

В самом деле: почему нужно «иметь мужество» для того, чтобы объявить себя антисемитом? С. Литовцев, конечно, не замечает, какая старинная мелодия выглянула из-под этой его обмолвки. Почему не надо иметь мужества, чтобы объявить себя, ну, скажем, например, англофобом? Или – галло-ненавистником? Или – супротивником германизма?

Да потому, что в нынешнее время, можно сказать – до отвращения, предоставляется каждому ненавидеть то племя, которое досадило данному эмигранту по принадлежности; а особо избранным, «широким русским натурам», разрешается грызть десятка два наций; а то и вообще все существующие на земле народы. Кроме одного.

Какого? Нужно ли говорить, что этот народ – евреи, которых почему-то называют семитами. Арабы – тоже семиты. Но никто не мешает никому быть арабофобом, ежели бы такой оригинал объявился. А вот чтобы открыто объявить себя антисемитом, по мнению С. Литовцева, надо обладать мужеством.

Я думаю, что это только отзвук старого. Сейчас, в русской эмиграции, пожалуй, скорее надо иметь мужество, чтобы объявить себя филосемитом. Времена сильно переменились. Если бы иной «деятель» мог с достаточной силой воскресить свои собственные былые настроения, этак, скажем, довоенные, и с этакими настроениями окунуться сегодня в русскую эмиграцию, то таковой человек разодрал бы свои одежды и посыпал бы голову пеплом.

Но, действительно, раньше так было. Раньше, если человек говорил, что он антисемит, то это в известных кругах означало: негодяй или психопат. Меня лично честили и тем и другим. Впрочем, я научился переносить обе клички с полнейшим равнодушием, твердо зная, что «близок час торжества моего…». И сейчас он, час, наступил.

И я торжествую… Я «чистосердечно», «просто, без лукавства», торжествую. Как?! Можно быть антисемитом и «честным человеком»?! Просто не верится. Но это написал Литовцев, публицист-еврей, которого я очень хорошо помню по Государственной Думе и который, вероятно, тоже – «просто, без лукавства», сначала считал меня злодеем, а потом маньяком. А теперь?

Теперь на диспуты приглашают, и, по-видимому, поняли, что «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей…».

Простые истины не скоро усваиваются. Но если вправду С. Литовцев (и, надо надеяться, известное количество других евреев), наконец, поняли, что быть можно честным человеком и думать… о вреде когтей, то, действительно, как это ни невероятно, вопрос переносится в ту плоскость, где евреи и русские становятся «спороспособными».

Итак, будем спорить…

Но, собственно говоря, я не собираюсь спорить. Я только, согласно приглашению С. Литовцева и заглавию сей книги, хочу честно, в качестве честного человека (квалификацией этой неимоверно горжусь, ибо только что, вот-вот, как ее получил) открыто заявить, почему они, то есть евреи, и в каких смыслах, «нам не нравятся».

При этом я должен тотчас же пояснить: я не говорю ни от какой партии, фракции, союза, землячества, ни от какого явного объединения, ниже тайной организации. Все таковые за бытность в эмиграции я растерял. Нигде ничем не состою. Сочувствую детищу покойного Врангеля – Общевоинскому Союзу; в случае надобности, стал бы сему Союзу помогать по мере сил; но не имею ни претензии, ни возможности излагать взгляды и мнения и этой организации. Говорю только от себя лично.

Итак, я – антисемит. «Имею мужество» об этом объявить всенародно. Впрочем, для меня лично во всяком случае никакого нет тут мужества, ибо сто тысяч раз в течение двадцатипятилетнего своего политического действования о сем я заявлял, когда надо и не надо. Но раз этого сейчас требуют, то, конечно, я должен.

При этом прошу обратить внимание, что я не какой-нибудь антисемит недозрелый. Известно, что в 1917 году появились у нас мартовские эсэры. Так вот с их легкой руки, то есть начиная с февральской революции, появились у нас антисемиты не только февральские и мартовские, а на все двенадцать месяцев в году. Так я не такой. Я антисемит – «довоенный».

Об этих «месячных» антисемитах поговорим позже. О них можно сказать, впрочем, как говорил Некрасов: «Порвалась цепь великая, порвалась и ударила, одним концом по барину, другим по мужику».

Да. И русские баре, и русские мужики стали одинаково повторять на все лады слова Достоевского: «Жиды погубят Россию».

Но так как сие есть преувеличение и они ее всё же не погубят, как уже теперь видно, то отложим пока сию гиперболу.

Итак: что нам в них не нравится?

Откровенно говоря, больше всего нам в них не нравилось то, как они к этому относились, т. е. к тому, что они нам не нравились. Они, можно сказать, совершенно в этом вопросе были невменяемы. И вот почему было совершенно невозможно с ними об этом разговаривать. С. Литовцев, вместо шаманских заклинаний, которыми обыкновенно встречали членораздельную речь даже вполне благоразумного антисемита, заговорил, наконец, человеческим языком, – не озорно и не лаяй. Этим обстоятельством значительно утишается «ненравленье» в направлении С. Литовцева и тех, кто, как он, способны беседовать, а не только брызгать раздраженными, до последней степени желчи, чернилами.

Новая психика дает возможность, если не методично, то спокойно, разговаривать по пунктам. Без такого уточнения и сосредоточения получается беседа, когда все кричат вместе, не слушая друг друга: манера русско-еврейская, но кто от кого заимствовал – не знаю…

Итак, перейдем к пунктам.

Антисемитизм, на мой взгляд, бывает трех родов:

1) Антисемитизм расовый или инстинктивный.

2) Антисемитизм политический или рационалистический.

3) Антисемитизм мистический – в порядке «сверхчувственном», «трансцендентальном», «интуитивном» и так далее. Дело – не в словах.

Часть первая. Антисемитизм расовый

В одной из своих статей, вызванных очередной истерикой не то Пасманика, не то Гессена, я уже имел как-то случай заявить, что я лично плохой антисемит в смысле расовом.

Есть люди, которые евреев просто «не переносят». Бесполезно таких спрашивать, что им в евреях не нравится. Не нравится все. Начиная с физических качеств – наружности, черт лица, горбатого носа, оттопыренных ушей, кривой спины…

Вот я это написал и почувствовал, что сразу же выходит как-то оскорбительно для евреев. Между тем, что же я говорю такое – плохое?

Если бы я сказал про китайца или японца, что мне не нравится их разрез глаз, который называют косым, или желтый цвет кожи – не то шафрановый, не то пергаментный; вообще, если я буду описывать наружность китайца, японца, негра, индуса, англичанина, немца, француза, то, перечисляя их физические качества и стараясь, как можно точнее, сии особенности их выразить, я никакого оскорбления какой бы то ни было нации или расе не нанесу. А вот с евреями выходит «совсем наоборот». Стоит самым академическим тоном перечислить несколько отличительных черт этой расы, как таковое описание сейчас же начинает звучать неким измывательством, насмешкой, презрением.

И выходит так, что надо (чтобы жить в мире с евреями) совершенно не замечать их отличительных качеств. Надо раз навсегда признать, что евреи абсолютно ничем не отличаются от остальных наций, то есть признать явное идиотство, ибо евреи как раз имеют очень резкие отличия. А потому подчиниться этой предпосылке, которой от нас требуют – не замечать еврейских отличий, – значит подчиниться грубому насилию над мыслью и чувством.

Почему и отчего происходит этот странный факт, что простое перечисление еврейских физических качеств (не говоря уж о моральных, душевных) является для еврейства оскорбительным, я здесь разбирать не буду. Но это так. И тут есть полная аналогия с еще более невероятным явлением. Если еврея назвать его настоящим национальным именем, тем именем, которое встречается на каждой странице Библии, то есть Жидом, то это звучит как удар хлыста, от которого содрогается самый умный и самый кроткий еврей.

Можно ли себе представить, чтобы при каких бы то ни было обстоятельствах русский оскорбился бы тем, что его называют русским? А для евреев этот факт налицо. Как это случилось, почему национальное еврейское имя стало ругательством, о сем будет ниже. Здесь надлежит только эту странность отметить для того, чтобы свободно подойти к расовому антисемитизму.

* * *

Я начал с того, что я лично – плохой расовый антисемит. Может быть это потому, что я родился и вырос в Юго-Западном крае и мне приходилось иметь очень много общения с евреями; может быть потому, что со школьной скамьи у меня были друзья-евреи; но только того физического, чисто инстинктивного отталкивания, которое наблюдается у многих по отношению к евреям, я лично не ощущаю. Может быть, это происходит сейчас и потому, что с годами меньше обращаешь внимания на внешние формы «предмета» и больше проникаешь во внутреннюю сущность; а может быть, здесь сыграло роль и то обстоятельство, что я лично, не как гражданин рухнувшей Российской Империи, а просто как некий человек, видел от евреев не только зло, но и добро.

Я это говорю только к тому, чтобы меня поняли: не инстинктивная какая-либо психика говорит во мне, когда я хочу заняться реабилитацией и до известной степени апологией расового юдофобства.

* * *

В известном миропонимании, крайне кургузом и ограниченном, (но, к сожалению, мировым весом всего еврейства поддерживаемом), всякий антисемитизм зазорен, а тем более антисемитизм расовый.

Но так ли это умно, как кажется? На каких, собственно, аксиомах Эвклида или истинах, им равных, сей взгляд основан? Кто и когда сие установил и определил?

Никто. Сие прогремели иерихонские трубы с таким зажимом, что только «отчаянные смельчаки» отваживаются пищать им что-нибудь «напротив» – без всякого, впрочем, результата: никто их анемичного писка не слышит. И если в эту жалкую рать глаголателей, обреченных беззвучно разевать рот, как рыба на песке, зачисляюсь и я, то только потому, что твердо верю:

«Будет день, и погибнет великая Троя…»

Будет день, когда (и невозбранно, и полно, и звучно) раздастся свободное от предрассудков человеческое слово.

Я утверждаю, что расовый, или инстинктивный, антисемитизм имеет столько же основания, то есть столь же почтенен или непочтенен, как всякие вообще инстинкты.

Если кто думает, что в настоящее «просвещенное» время инстинкт уже выбыл из числа сил, которыми двигается мир, то достоин сожаления такой наивец. Спрашивается: не прекратился ли бы род человеческий, если бы некоторого рода инстинкты перестали работать? Неужели поклонники рационализма полагают, что можно сотворить ребенка в умственном порядке? До сих пор в этом направлении ученым не удалось создать даже первичной протоплазмы. Следовательно, можно сказать: в самом основном вопросе, то есть в вопросе продолжения рода человеческого (из которого вопроса вытекают почти все остальные «вопросы»), владычествует, указует и направляет инстинкт.

Выражение – брак по расчету – есть выражение обманчивое. Расчет бывает до брака; если же и впоследствии все продолжается «расчет» и никогда не заговорит «инстинкт», то брака вообще нет.

Я взял этот пример – «для резкости». А также потому, что инстинктивный или расовый антисемитизм глубоко связан с вопросом о браках между евреями и неевреями. Или другими словами – с вопросом о смешивании рас. Расовый антисемитизм играет главную роль именно в этом деле; он препятствует «смешанным бракам».

К этому, в сущности, сводится основной смысл всякого расового антагонизма, если таковой смысл вообще существует; ибо расовый антагонизм, который не распространялся бы на эту область, то есть не препятствовал бы смешанным бракам, скоро исчез бы сам по себе. Он исчез бы по той простой причине, что дети от смешанных браков не могут чувствовать расового антагонизма друг к другу, раз у них одна половина, скажем, – русская, а другая – еврейская.

Я хочу этим сказать, что расовый антагонизм, а следовательно и расовый антисемитизм, может держаться длительно только в том случае, если он распространяется и на область отношений между мужчиной и женщиной. И более того: отталкивание в этого рода делах и есть самая сущность расового антагонизма.

* * *

Другими словами, разглядывая расовый антагонизм, мы вращаемся в области инстинктивных эмоций, о которых человечество знает до сих пор весьма мало, кроме разве того, что и в настоящую эпоху человеческой жизни инстинктивная деятельность, то есть инстинктивные чувства и поступки, играет еще весьма существенную роль.

Из этого, однако, не следует, что инстинкт всегда хорош. Нет, в некоторых случаях человечество уже может себе сказать твердо и ясно: такие-то инстинкты (имярек) – дурные инстинкты.

Вообще же инстинкт отличается тем, что он именно – «инстинктивный», то есть существо, которое ему подчиняется, не ведает, что творит, или, лучше сказать, – не ведает цели, к которой толкает его инстинкт. Инстинкт звучит как категорический императив: делай так. А почему, отчего, вернее для чего, сие почти всегда знать не дано…

* * *

Один из мощнейших инстинктов – инстинкт самосохранения. Но ни один самый мудрейший философ не сможет черным по белому доказать, почему зайцу, за которым гонится борзая, непременно важно сохранить свою заячью жизнь. Точно так же невозможно изъяснить, почему с той же страстностью и убежденностью борзая полагает, что эту заячью жизнь надо прекратить. Эти два инстинкта, совершенно в данном случае противоположные, но несомненно исходящие из одного и того же источника, не поддаются никакому рационалистическому объяснению. «Надо жить» – вот и все. Это «надо» произносится внутри каждого существа с такой повелительностью, что все живущее, не рассуждая, всю жизнь этот приказ исполняет.

Веление инстинкта, по-видимому (я на этом не настаиваю), есть выполнение чьей-то огромной и мощной воли, частички которой запали в душу каждого существа. Но частички эти (в оболочке его существа, темного сознания) обладают способностью к некоторой косности, ибо они не знают истинной цели своего стремления. Так тело, брошенное чьей-то рукой, упрямо стремится сохранить направление, ему данное. Инстинкты консервативны в этом роде. Это, можно сказать, инерция, разлитая в психическом мире.

Инерция эта, эта косность, этот консерватизм, вещь в высшей степени нужная и полезная – до поры до времени. Благодаря этой косности, благодаря инерции, рулевой, например, может вести судно. Корабль упрямо держится раз данного ему направления. И только благодаря этой «верности» корабля штурман может сделать нужный расчет.

Но эта инерция является вредной, и ее нужно преодолевать, неистово крутя штурвал, всякий раз, когда по ходу дела необходимо сделать поворот. В поворотные эпохи наступает долг преодоления инерции, для чего, по законам механики, необходимо должна быть введена «новая сила», то есть сила, действующая в ином, не прежнем, направлении.

* * *

Эту «метафизику» вполне можно приложить к рассматриваемому случаю, то есть к расовому антагонизму, частью которого является антисемитизм.

На известных ступенях бытия правильны и благостны некоторого рода расовые отталкивания. Как было раньше и как будет потом, мы не знаем. Но на том отрезке жизни, который нам виден, – это так.

Этот отрезок измеряется тысячелетиями, конечно. На пространстве этих тысячелетий установлено нижеследующее: благоприятные скрещивания дают некоторые средние степени родства.

Слишком близкое родство дает отрицательные результаты. И это настолько очевидно, что браки в известных степенях родства запрещаются религиями и законодательствами.

Но не менее ясно, что браки в слишком далеких степенях родства тоже дают отрицательные результаты. Этого не видят только те, кто не хочет видеть.

Те же, кто хотят быть зрячими и кто имел случай наблюдать смешение рас, давно пришли к выводу: браки в очень далеких степенях родства, то есть смешивание далеких друг от друга рас, по какой-то причине дают отрицательные результаты.

* * *

Вы можете, сколько хотите, доказывать белой женщине (скажем, в Америке), что не этично, не гуманно, не философично и просто аморально с точки зрения религиозной, государственной и тысячи иных точек зрения испытывать расовое отвращение к цветным, однако вы ее ни на волос не переубедите. У нее ведь это не рассуждения, а чувство: инстинкт говорит ей с такой категорической повелительностью – «ты не выйдешь замуж за человека цветной крови», что от этого отскакивают какие бы то ни было умствования. Но этого мало: если бы какая-нибудь белая не ощутила этого голоса крови в самой себе и преступила бы «закон» (закон, нигде не написанный в законах, но соблюдающийся тверже, чем иные законы, охраняемые «высшей мерой социальной защиты»), то общественное мнение белого общества тяжелым молотом обрушится на голову такой «вольно-чувственницы».

Хорошо ли это или плохо? Ответ на этот вопрос зависит от «результатов». Каковы же результаты? Результаты смешанных браков белых с цветными – это метисы.

По-видимому, результаты эти таковы, (то есть в подавляющем своем большинстве метисы не удовлетворяют ни белых, ни цветных, являясь элементом «социально опасным»), что, пожалуй, прав-то инстинкт, отвращающий от смешанных браков.

Что в самом деле во всех «высоких» принципах «равенства людей» и тому подобных утверждениях (которых нет, между прочим, среди одиннадцати аксиом Эвклида), если результатом этих quasi гуманных идей является ухудшение человеческой породы, движение назад, обратно – к обезьяне. Метисная практика, это один из случаев, когда инстинктивное отвращение может быть объяснено, с точки зрения целесообразности, с достаточной очевидностью.

Какой-то ученый высчитал, что французы находятся друг с другом, кажется, в сороковой (а может быть 25-й) степени родства. Этим проводится мысль, что нации и расы суть не что иное, как собрания сравнительно близких родственников.

Допустим поэтому, например, что американцы находятся между собой в сотой степени родства; а с другими белыми – в двухсотой степени. По отношению же к неграм американцы, допустим, находятся в тысячной степени родства. Из этих совершенно фантастических цифр можно однако сделать кое-какой вывод.

Людям, в данном случае «американкам», у которых ясно говорит расовый антагонизм, инстинкт как бы шепчет в уши, чтобы не сказать в сердце, следующую заповедь:

– Ты не выйдешь замуж за одного из своих ближайших родственников; но ты не возьмешь себе в супруги также слишком далекого родственника, каковыми приходятся тебе желтые, коричневые, красные и черные.

Я позволяю себе надеяться, что вышеизложенным (утомительным и скучным) рассуждением я все же показал: расовый антагонизм может иметь под собой глубочайшей целесообразности корень. Может быть (в данное время), прав не вдохновенный моралист, который, потрясая взволнованную аудиторию, вопит с кафедры о том, как низко и недостойно испытывать

какой бы то ни было расовый антагонизм по отношению к нашим братьям неграм и китайцам. Быть может, права та маленькая мисс в огромных роговых очках, которая с блестящими глазами выслушав вдохновенную речь оратора и энергичными рукоплесканиями выразив ему свое полнейшее сочувствие, тем не менее порывает всякие матримониальные заигрывания со своим обожателем, заметив легкую примесь цветной крови под его кожей.

При этом отнюдь не колеблется принцип, что негры и китайцы – наши братья по человечеству. Но разве непременно за всех братьев надо выходить замуж? Негров и китайцев можно и должно любить, но из этого еще не следует, что в них необходимо влюбляться. Влюбляться белой девушке надо в белых мужчин, ибо этим она не только удовлетворит крик своего сердца, но еще даст миру хорошее потомство, а не неких евразиатов, которые, по мнению многих наблюдавших этого рода явление, суть социальная опасность (в настоящую эпоху).

О будущем, разумеется, я не говорю. Весьма возможно, например, что найдутся промежуточные расы, с которыми безопасно могут скрещиваться, скажем, белые с одной стороны, и негры с другой. Такие промежуточные расы могут перебросить мост через опасности метисизма. Когда это будет, тогда, очевидно, наступит тот поворотный момент, когда инерция древнего инстинкта, бывшего правильным и верным в течение тысячелетий, станет уже неправильной, неверной и попросту вредной. Тогда, очевидно, с этим инстинктом придется бороться и, сильно крутя колесо политического и бытового штурвала, ввести в жизнь новую силу, действующую в ином, не прежнем, направлении.

* * *

Поговорив о расовом антагонизме вообще, можно с некоторой надеждой быть если не понятым, то выслушанным, заговорить о частном виде расового антагонизма – о расовом антисемитизме.

Все, что мы признали (или не признали) верным для расового антагонизма, все можно приложить и к расовому антисемитизму.

Правда, евреи, как семиты, принадлежат к белой расе. Следовательно, они нам, пожалуй, ближе, чем негры, например. Хотя цвет кожи еще не является абсолютно верным показателем. На одной из своих лекций Милюков утверждал, что (по мнению некоторых ученых) финны и негры – одной и той же расы. Эта раса в незапамятные времена вышла откуда-то из-за Урала и разделилась на два потока: один взял влево, то есть на юг, пошел по берегам южных морей, где и… обуглился; другой же взял вправо, то есть на север, и в холодах Северного моря… обледенился.

Это впрочем – в скобках. Несомненно же то, что и среди белых может существовать некий расовый антагонизм. Вопрос не в том, может ли он быть или нет, а в том, насколько он при данных условиях целесообразен.

Другими словами, я хочу поставить вопрос: можно ли оправдать расовый антисемитизм теми же соображениями, какие приводятся в объяснение расового антагонизма между белыми и цветными?

* * *

Для того чтобы ответить на этот вопрос, по моему мнению, нет достаточных данных. Если взять расовый антисемитизм на тот оселок, которым мы пользовались, анализируя антагонизм белых и цветных, то тут стрелка сего компаса не показывает ясно.

Многочисленные примеры с достаточной убедительностью обнаружили, что melange белых и цветных кровей не представляет из себя ничего привлекательного. Еще креолы, как говорят, – туда-сюда. Первая жена Наполеона Бонапарта, Жозефина Богарнэ, кажется была

креолка и, по-видимому, женщина как женщина: не лучше, но и не хуже многих других. Изменяла великому с мелочью, пока гений ее любил; но когда Император освободился от ее чар, бешено его оценила. Но это свойственно отнюдь не одним креолкам.

Что же касается мулатов, то есть помеси белых и негров, то отрицательный взгляд на них, по-видимому, твердо установился. Если это обстоятельство точно, то есть если мулаты в действительности являются неудачными экземплярами, то расовый антагонизм белых и негров этим самым оправдывается. Из этого, конечно, не следует, что негров надо линчевать без всякого толка на всяком углу. Однако, основываясь на сем наблюдении, можно утверждать, что когда белокожие дамы увлекаются черными маэстро чарльстона, то они, дамы, с точки зрения и белых и негров, поступают не только неблаговидно, но и не разумно.

Но вот в отношении смешанных браков между евреями и другими белыми нет никаких определенных указаний. Быть может, практика в этом отношении не велика? Или тут влияют какие-нибудь другие причины? Я лично не знаю какого-нибудь специального труда по этому вопросу. Мне кажется, что и в антисемитской литературе этому делу уделено мало места. Я лично знавал достаточно людей с примесью еврейской крови. Не могу сказать, чтобы я вывел определенное мнение из этих примеров. Есть известные аристократические русские фамилии, у которых весьма явственна «еврейская бабушка». Эти аристократы не лучше и не хуже других.

Словом, здесь, по-видимому, нельзя установить таких ясных вех, как в вопросе о расовом антагонизме между белыми и цветными. И тем не менее факт налицо: очень многие русские испытывают расовый антагонизм по отношению к евреям. Есть ли обратная тенденция, то есть испытывают ли расовый антагонизм евреи относительно русских, я не знаю и потому говорить об этом не буду.

Этот расовый антагонизм русских к евреям, даже в том случае, если невозможно доказать, что дети от смешанных русско-еврейских браков являются элементом отрицательным, – этот расовый антагонизм все же может быть и объяснен, и оправдан.

Для того чтобы моя мысль была яснее, я возьму один пример, который мне самому не нравится: очень уж он грубый. Но зато – четкий.

При скрещивании лошадей и ослов эти две расы, по-видимому, не испытывают расового антагонизма. Безусловно, лошади и ослы – слишком далекие родственники; и лучше бы им было любить друг друга по-братски, не вступая в супружество. Тем не менее, благодаря гнусному попустительству, вернее сказать, подстрекательству человека, такие, как бы противоестественные, браки бывают.

И что же? Каков результат? Результат на первый взгляд совсем не плох. Ибо плоды ослоконской любви – мулы – являются экземплярами в некотором отношении весьма ценными: они воплощают силу лошади и выносливость осла.

Для человека, принимающего в расчет только свою человеческую выгоду, это даже очень хорошо. Но если представить себе – horribiledictu – националистов-лошадей и националистов-ослов (причем эти расисты сознательно или бессознательно хотели бы сберечь ослиную и лошадиную расы), то с их точки зрения эти смешанные браки ужасны.

Почему?

Да потому, что при всех их достоинствах (лошадиной силы и ослиной выносливости) мулы поражены каким-то странным заклятьем: они не дают потомства. И таким образом, если бы все лошади женились на ослах и все ослы вышли бы замуж за лошадей, то через некоторое время результатом этих повальных браков была бы ужасная картина: на свете остались бы только одни мулы, беспотомные. И когда за старостью лет мулы бы передохли, то вместе с этими последними могиканами исчезли бы с лица земли три расы: лошадей, ослов и мулов.

Может быть, расовый антисемитизм (русских по отношению к евреям) таит в себе нечто, о чем следовало бы поразмыслить на досуге. Может статься, что какой-нибудь явный мракобес, обскурант, черносотенец, словом некая подлая личность, испытывающая таковой расовый

антисемитизм, и мудрее и чище неких возвышенных мыслителей, проповедующих нам относиться к евреям, как к людям своей расы.

Может статься, что если бы были услышаны гуманные их призывы, то это означало бы чью-то гибель; гибель если не двух рас, то по крайности одной – русской.

Хороша ли она, или плоха, но во всяком случае она существует. Существует и имеет некоторое право жить под солнцем. И нельзя упрекать расы, как и отдельных людей, за то, что они не желают умирать. Такое нежелание смерти, конечно, есть только инстинкт, но нельзя сказать, чтобы этот инстинкт был такой уж непочтенный. Я думаю, что клеймить и позорить его – совершенно не за что.

Так вот, может статься, что эти «презренные слепцы» (те, которые испытывают расовый антисемитизм) видят дальше иных зрячих. Так почтовый голубь, глупая птица, покружившись одну минуту в воздухе, безошибочно находит прямой путь к дому за тысячи верст. А этого, как известно, не может сделать ни один философ.

Голубю удивляются, им восхищаются. Но почему же, если человек (так же бессознательно, как голубь чует свое жилище) чует опасность в евреях для русской расы, почему же бросать в него грязью? Такое бросание тем более бессмысленно, что до расового антагонизма так же не «добросить», как до почтового голубя. Эта птица летит слишком высоко, и в нее шматком грязи не дошвырнешь; а расовый инстинкт сидит слишком глубоко, и никакие «убеждения» до него не доходят.

* * *

Какого же рода опасностью может грозить одна раса другой (кроме указанных опасностей метисного свойства)? В частности, какой опасностью может грозить еврейская раса русской расе?

Очень простой. Опасностью поглощения.

Еврейская кровь, по-видимому, – гораздо сильнее. Можно с несомненностью утверждать, что из десяти русско-еврейских детей девять унаследуют черты родителя еврея.

При таких условиях представим себе на минуту, что все русские, сколько их только есть, поженились бы на еврейках; и все евреи женились бы на русских. Что это обозначало бы?

Это означало бы, что русская раса по существу исчезла с лица земли; ибо народившиеся от этих смешанных браков дети уже не возродили бы русские черты, а воплотили бы только еврейские.

Может быть, с объективной точки зрения это было бы очень хорошо. Но объективной точки зрения пока что нет и быть не может; ибо судьи кто? Беспристрастных судей, которые стояли бы над расами, еще нет, или во всяком случае они безмолвствуют.

С субъективной же точки зрения, то есть с точки зрения русской нации, такой результат совершенно нежелателен. И каждый русский, который хотел бы сохранить свою расу, «национально прав». Наоборот, не прав тот, который свою расу «предает»; то нечто, что передано ему его родителями и что идет из глубины тысячелетий, отдает на поток и разграбление – «прекрасных глаз» ради.

Так то и выходит, что «грубые люди» (те, которые ощущают расовый антисемитизм) гораздо тоньше иных утонченных; ибо сии последние за иерихонскими трубами, изрыгающими рулады громких, но весьма пошлых и ничем не доказанных фраз, не слышат предостерегающего голоса крови.

* * *

Я надеюсь, что в предыдущем изложении я если не доказал, то высказал:

1) что расовый антагонизм связан с антагонизмом «брачным», чтобы не сказать – половым; если же этого последнего нет в наличности, то таковой расовый антагонизм – не настоящий, а эфемерный; ибо он легко растаивает в смешанных браках, каковое явление называется ассимиляцией рас;

2) что расовый антагонизм должен расцениваться как положительный или отрицательный в зависимости от того, какие результаты дают смешанные браки антагонирующих рас; если эти результаты явственно благоприятны, то антагонизм нецелесообразен, вреден, реакционен, отжил свой век, является тормозящим предрассудком; наоборот, если смешанные браки угрожают одной из рас или обеим вместе, то расовый антагонизм должен быть признан инстинктом мудрым, возвышенным, имеющим в себе общечеловеческую ценность;

3) что все вышеизложенное относительно расового антагонизма вообще, целиком может быть отнесено к расовому антисемитизму в частности;

4) что вопрос о последствиях смешанных русско-еврейских браках недостаточно освещен с той точки зрения, понижает ли смешение этих кровей сии расы;

5) но что можно утверждать с достаточной достоверностью: смешанные русско-еврейские браки ставят под опасность русскую расу, как слабейшую в смысле крови, – под опасность поглощения ее расой еврейской.

Часть вторая. Антисемитизм рассудочный или политический

Взгляд и нечто

Признаю, что моя классификация антисемитизмов по меньшей мере спорная. Начать с того, что в политике очень большую роль играют страсти человеческие. А потому назвать антисемитизм политический одновременно рассудочным, пожалуй, достаточно неудачно. Но я все же буду держаться этой номенклатуры вот по каким причинам.

Человек говорит (для ясности скажем, что говорит женщина белая): «Я чувствую известного рода неприязнь к цветным людям; во всяком случае я не выйду замуж за негра». Сколько вы ее ни расспрашивайте, вы не добьетесь вразумительного ответа, почему она так чувствует. Если она будет представлять вам резоны, то они явно притянуты за волосы. По существу же дело все сведется к восклицаниям: «Не могу! Не хочу! Мне неприятно! Мне противно!» И к тому подобным бездоказательным доказательствам. Люди литературные в этих случаях объясняют неграмотным: «Это голос крови».

До самого последнего времени такое словоупотребление и считалось просто литературной метафорой. Но вот, несколько лет тому назад микроскоп доказал, что выражение «голос крови» есть какой-то обрывок очень значительной и очень давно утерянной мудрости. Когда-то, скажем, во времена Атлантиды, знали, что у людей разных рас неодинаковая кровь. Потом эти знания были утеряны. В XX веке они восстановлены при помощи стекол Цельсия.

Таким образом, инстинктивное отвращение белой женщины к цветным и обратно может быть сейчас если не объяснено, то иллюстрировано и почти, можно сказать, измерено при помощи анализа крови. Но тем не менее, однако, это уже сейчас измеряемое чувство есть все-таки чувство; оно отнюдь не является следствием каких-либо логических умозаключений.

Совсем другое дело – политика. В этой сфере под самые африканские страсти все же всегда подводят какие-то данные из области «ума холодных наблюдений». Какие-то рассудочные доводы. Правда, эти доводы часто не только не разумны, а просто идиотичны. Но ведь и в безгрешной математике бывают математические ошибки; и все же это математика, хотя и ошибочная, а не… «стеариновая свечка».

Когда какой-нибудь «расист», то есть человек, ярко чувствующий расовую любовь и расовую ненависть, выступает на политической арене, он хотя внутренне и опирается на свои чувства, на свои инстинктивные симпатии и антипатии, но все же перед внешним миром орудует какими-то рационалистическими соображениями.

И это происходит по простой причине. В политике всегда приходится обращаться не только к своим единомышленникам, или вернее «единочувственникам», но также и к политическим противникам. А эти последние чувствуют ведь иначе. Если они чувствуют иначе, то «чувственные аргументы» другой партии от них отскакивают. Между тем в политике противники хотя и борются друг с другом, но все же стараются найти какой-то между собою мост. Они ищут его хотя бы для того, чтобы на этом мосту… сразиться.

Таким мостом, который соединяет два «разночувствующих» берега, является рассудок, рассуждение, логика; ибо предполагается, что логика, в противность чувствам, одна и та же у всех людей.

* * *

Политический мир живет довольно упрощенными доктринами, но зато доктринами, всеми признаваемыми. Доктрины эти различны в разные эпохи в разных местах и у разных народов; но в каждом данном месте, в каждое данное время, есть некие положения, которые считаются общепризнанными. В тех же случаях, когда таких общепризнанных положений, разделяемых всеми политическими партиями, совершенно не оказывается, тогда политическое общение, собственно говоря, прекращается.

Такой именно разрыв наступил у нас с большевиками. Нам с ними нельзя было «спорить». У нас не оказалось ничего общего. Мы не могли найти ни одного положения, которое обе стороны разделяли бы. А спор ведь всегда сводится только к одному: найдя положение, которое обе стороны признают, доказывать, что спорный вопрос соответствует или не соответствует этому бесспорному положению, признаваемому обоими спорщиками. Так как с большевиками таких «общих истин» у нас не было, то, значит, и спорить нельзя было. С ними можно было только драться. И дрались. Кто оказался сильнее, тот покорил себе другого, покорил физически, но не логически. Для того, чтобы оказалось возможным «логическое покорение», нужно было, чтобы сама жизнь выбила из большевистских голов заполонившую их дурь. Это сейчас в некоторой степени сделано. И хотя физически мы находимся под пятой большевиков, но в логическом порядке мы одержали частичную победу. И это потому, что большевики, декретируя НЭП и связанные с ним уступки, этим самым должны были признать правильность некоторых наших положений. Это конечно не мешает им с тем большей злостью (в противоположность Петру Великому) расстреливать своих «учителей».

Политический антисемитизм (то есть некоторое движение, направленное против евреев) даже в тех случаях, когда он исходит из расового антагонизма, базируется на каких-то «логических» данных. Этому вопросу посвящена целая литература, с которой я знаком весьма мало. Но я и не обязан с ней знакомиться, ибо меня вызвали на диспут, очевидно, не для изложения литературы, которую каждый желающий может прочесть, а для выслушивания моих собственных по сему поводу соображений.

С. Литовцев так и писал: пусть кто-нибудь имеет мужество объявить себя антисемитом и объяснить: «мне не нравится в евреях то-то и то-то».

Я это и делаю. Но расовый антисемитизм я описывал, так сказать, в качестве стороннего зрителя, ибо у меня нет в этом отношении особо острых ощущений. В качестве же «антисемита политического» я могу внести свою личную ноту, ибо мой антисемитизм именно такого, политического свойства.

Однако, здесь мне приходится несколько видоизменить формулу, изобретенную С. Литовцевым. Тут не к месту говорить о том, «что мне в евреях не нравится» и вообще, нравятся ли они мне или нет; тут к месту будет объяснить, почему я полагаю, что с евреями необходимо политически бороться.

Итак, я полагаю нужным бороться с евреями. Но я намеренно очень суживаю и ограничиваю плацдарм этой борьбы. Я не имею права сказать (ибо я не настолько знаю историю), что с евреями нужно было бороться от сотворения мира, всегда и всюду. Может быть, когда-нибудь, если верить в переселение душ, мое «я» в каком-нибудь Египте или в еще более древней стране, было филосемитическим. Точно так же я не могу утверждать, что во всех своих «будущих существованиях» я буду бороться с евреями; весьма возможно, что когда-нибудь мне покажется все сие ненужным, этот этап пройденным и ликвидированным.

Сейчас я хочу говорить о России и о XX веке. Разумеется, русское еврейство связано с мировым еврейством, и поскольку эта связь действительна, надо бы говорить и о мировом

еврействе. Но душа у меня к этому пока что не лежит. И потому я буду, всячески избегая расширительных толкований, держаться русской почвы.

Нео-антисемиты

Русский политический антисемитизм самой природой вещей разделен на две породы: на антисемитов дореволюционных и антисемитов послереволюционных.

Последних гораздо больше. Начав формироваться сейчас же после февральских событий 1917 года, они стали увеличиваться в числе с каждым новым «райским» нововведением, которое революция преподносила русскому обывателю. Этот последний стал замечать, что в постановке сих волшебных картин участвовали в «неподобающем проценте» еврейские режиссеры. За последние же годы антисемиты в Советской России растут, как грибы. И это обстоятельство ведь и было причиной, почему был созван диспут, состоявшийся 27 мая 1928 года, диспут в свою очередь вызвавший сию книгу.

Достойно примечания, что в настоящее время наличие грозного антисемитизма в Советской России уже и не пытаются отрицать. Некоторые прозрели его давно, как например Ек. Кускова.

* * *

Но не все увидели истину одновременно. В 1927 году появилась моя книга «Три столицы». В этой книге я описал свое тайное путешествие в Советскую Россию. Как впоследствии оказалось, меня «возили», охраняли и вывезли обратно за границу агенты ГПУ, были ли они чекисты «взаправдашние» или чекисты поневоле, в данном случае несущественно… Мне мой «просак» стал известен через два-три месяца после выхода книги, широкой публике много позже – после разоблачений, появившихся в журнале «Иллюстрированная Россия» за подписью Бурцева. Естественно, что выступление Бурцева произвело великую сенсацию. Но, к удивлению моему, в рассуждениях печати, оживленно комментировавшей так и этак происшедшее, не было того, чего я ждал.

Дело в том, что в книге «Три столицы», в числе прочих наблюдений, высказана твердая уверенность в том, что жесточайший антисемитизм широко захватывает Россию и что поэтому евреям, там проживающим, при ликвидации советского режима грозит серьезнейшая опасность. Не отличаясь кровожадностью, я высказал одну мысль, изложенную в воображаемом диалоге с неким собирательным Липеровичем, который играет у меня ту же роль, что Танкелевич у Ек. Кусковой.

Я убеждал Липеровича, что было бы лучше, если бы евреи, которые могли бы это сделать, уезжали бы из Советской России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.